ПОРТРЕТ УЧЕНОГО

© ЭО, 2003 г., № 6

О. Б. Наумова

ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА СУХАРЕВА (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения Ольги Александровны Сухаревой (1903–1983) – замечательного ученого из славной плеяды выпускников Среднеазиатского государственного университета (САГУ) 1920-х годов, учеников А.А. Семенова и М.С. Андреева, продолживших лучшие традиции русского востоковедения. Ольга Александровна была ученым энциклопедических знаний – она была этнографом, историком-востоковедом, филологом-иранистом, искусствоведом и религиоведом.

Уроженка Средней Азии, Ольга Александровна уже с 15 лет осознанно наблюдала и изучала жизнь местного населения. Безупречно владея таджикским языком и хорошо зная узбекский, она могла замечать такие тонкости народной жизни, которые недоступны при обычных расспросах. Удивительно, а может быть, и закономерно, что при таких обширнейших знаниях этнографии народа, она не раз говаривала, что работа этнографа сродни труду человека, черпающего море ложкой. При этом Ольга Александровна была не только собирателем и знатоком огромного этнографического материала, но и крупным исследователем.

Вместе с тем, как и о многих других советских этнографах-востоковедах, о жизни О.А. Сухаревой написано пока крайне мало[1]. Данная статья не претендует на историографический анализ ее научных работ, ставших сегодня классическими трудами по этнографии Средней Азии. Это попытка более подробно познакомить читателя с жизнью О.А. Сухаревой – ученого-этнографа и замечательного человека. Я стремилась, насколько это было возможно без архивных материалов, воссоздать канву жизни и научную биографию Ольги Александровны и показать ее такой, какой она осталась в памяти родных и коллег. Статья не могла бы быть написана без помощи дочери О.А. Сухаревой Елены Рубеновны Акбальян, которая предоставила в мое распоряжение “Автобиографию” Ольги Александровны и ее записи о своих родителях[2]. Трудно переоценить помощь, полученную мною от Т.А. Жданко, сохранившей письма О.А. Сухаревой за 1955–1956, 1958 и 1966 гг.[3], а также ее ученицы, доктора исторических наук Т.Х. Ташбаевой и ведущего научного сотрудника Института востоковедения РАН Л.А. Чвырь.

* * *

В детстве Ольга Александровна слышала, что по линии Габовых – бабушки со стороны ее отца – их род восходит к А.В. Суворову, однако ничего более определенного без специальных генеалогических изысканий по этому поводу сказать нельзя. В семье Сухаревых к таким предположениям относились скептически. Более реальным считалось следующее семейное предание о происхождении прадеда или прапрадеда О.А. Сухаревой: татарского мальчика подбросили в русское село Сухаревку, которое “его воспитало, крестило, потом женило на русской девушке, а сельский дьячок обучил его грамоте”[4].

В Туркестанском крае Сухаревы обосновались со времени его завоевания русскими. Первым из рода Сухаревых оказался в Средней Азии дед Ольги Александровны,

Александр Петрович Сухарев (1845 – не ранее 1895 г.), пришедший в Самарканд с русскими войсками в конце 1860-х годов. В войсках он был писарем, а оставшись в Самарканде, поступил на службу в Областное правление[5]. Свою жену, Надежду Семеновну Габову, он привез "из России на верблюдах"[6], вероятно, из Уфимской губ., так как имение Габовых было под Уфой. Из 18 детей супругов Сухаревых выжило девять – шесть сыновей и три дочери. Точный год смерти А.П. Сухарева установить не удалось. Сама Ольга Александровна в своей "Записке" указывает 1893 (пишет, что извещение об этом было напечатано в "Справочной книжке Самаркандской области на 1893 год") или 1894 г., так как, по ее сведениям, отцу было 19 лет, когда умер дед. Однако в "Справочных книжках Самаркандской области" и на 1894, и на 1895 г. Александр Петрович Сухарев указан как делопроизводитель Строительного отделения Областного правления, причем в 1895 г. он был повышен в чине – стал надворным советником.

Отец Ольги Александровны, Александр Александрович (1875–1918) был старшим сыном. Он и его братья и сестры как дети служащего, оставшегося в крае, учились на казенный счет: мальчики – в Оренбургском кадетском корпусе, девочки – в прогимназии. Когда отцу было 12 лет, он в Оренбурге заболел брюшным тифом. В результате вызванного осложнением абсцесса ему пришлось ампутировать ногу, и всю оставшуюся жизнь он ходил на деревянной ноге. Дед Ольги Александровны умер, когда ее отцу было, по-видимому, около 20 лет и ему предстояло сразу поступить на службу, чтобы помогать матери. Он работал чертежником в Самарканде и готовился к экзаменам в каком-то тифлисском учебном заведении, где и получил специальность техника путей сообщения. Однако впоследствии Александр работал на строительстве гражданских зданий. Когда родилась Ольга Александровна, он был городским техником строительного отделения Областного правления[7]. А позднее отец занимал должность городского инженера и городского архитектора[8].

Дед Ольги Александровны со стороны матери, Иван Иванович Андржеевский, обрусевший поляк, был врачом, доктором медицины, а его жена – наполовину немка, мать которой, прабабка Ольги Александровны, плохо говорила по-русски. В семье Андржеевских было пятеро дочерей и один сын. Сначала они жили в Вятской губ., где Иван Иванович работал врачом на Ижевских заводах, а затем перебрались в Уфу. Мать О.А. Сухаревой, Елизавета Ивановна Андржеевская (1874–1948), была второй дочерью. Она окончила гимназию и получила музыкальное образование, впоследствии преподавала музыку в детском доме и давала частные музыкальные уроки. Это была музыкальная семья – прекрасно играла третья дочь, Ольга, а старшая, Марианилла Ивановна Андржеевская, родная тетка О.А. Сухаревой, окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано у проф. Зилотти (училась одновременно с Сергеем Рахманиновым), выступала с концертами, "была хорошей шопенисткой"[9].

Родители Ольги Александровны познакомились в имении тетки А.А. Сухарева под Уфой и поженились после того, как Александр Александрович сдал экзамены в Тифлисе. Ольга Александровна Сухарева родилась 15 февраля 1903 г. в Самарканде. Кроме нее в семье было еще двое детей – сестра Анна (1905–1975) (впоследствии филолог, кандидат филологических наук, преподаватель Ташкентского государственного университета) и брат Иван (1909–1942) (археолог, заместитель директора Самаркандского музея[10]). Семья жила на Ташкентской улице в собственном доме.

Отца Ольги Александровны через несколько лет после рождения дочерей (не раньше 1907 г., так как в 1906 г. он еще работал в Самарканде, в Строительном отделении городским техником, о чем упоминается в справочнике Самаркандской обл.[11]) перевели в Ходжент (с 1937 г. – Ленинабад, ныне – Худжанд), где семья прожила несколько лет (отец даже построил там для себя небольшой дом). Русская часть города занимала цитадель на высоком обрыве, с одной стороны которой открывался вид на Сырдарью, а с другой – на туземную часть. Из 40 тыс. населения города русские составляли 1000 человек[12]. В основном здесь жили таджики, но были и узбеки, сарты, татары и др. В Ходженте А.А. Сухарев работал "по строительной ча-

сти"[13] под руководством Н.С. Лыкошина, в те годы – начальника Ходжентского уезда, прослужившего к тому времени около 30 лет в Туркестанском крае, автора нескольких известных трудов о жизни туземного населения. Н.С. Лыкошин по собственному почину занимался с молодыми чиновниками узбекским языком, так что А.А. Сухарев мог говорить на узбекском, что помогало ему в работе с местными мастерами.

Эти мастера не раз приглашали его с женой на семейные праздники, и в одно из таких посещений супруги Сухаревы получили в подарок небольшой ковер. "В ответ однажды, – вспоминает О.А. Сухарева – когда мы жили в Ходженте, к нам были приглашены на елку дети мастеров с их матерями и бабушками. Детям были приготовлены подарки: девочкам куклы, мальчикам лошадки и один ослик, качающий головой"[14]. Может быть, и эти детские впечатления сыграли свою роль в выборе ее профессии.

Когда Ольге Александровне было 6–7 лет, отца перевели в Скобелев (ныне – Фергана), где он работал при строительном отделении Ферганского областного правления в должности младшего архитектора[15]. В этом городе, на Ошской улице, семья Сухаревых прожила около шести лет. Фергана в то время считалась одним из лучших городов Туркестана по условиям жизни: здесь было обилие хорошей воды, широкие, обсаженные деревьями улицы, сады и парки. В городе имелись мужская и женская гимназии, больница, библиотека, областной музей[16]. Вероятно, тут Ольга Александровна начала учиться в женской гимназии (заканчивала уже в Самарканде). Большинство населения Скобелева в то время составляли русские (7,5 тыс. из 11 тыс. человек), туземное население состояло в основном из узбеков, но встречались и таджики, киргизы, армяне, кашгарцы, персы и др.[17]

В 1916 г. А.А. Сухарева снова перевели в Самарканд. В это время Ольга Александровна и ее брат болели брюшным тифом, и оставшееся семейство переехало в Самарканд уже после Февральской революции.

После смерти отца в 1918 г. мать осталась с тремя детьми в крайне стесненных обстоятельствах. По сведениям Е.Р. Акбальян, им на помощь пришел друг А.А. Сухарева, пригласивший их на лето в свой фруктовый сад, где они, работая на сборе фруктов, могли заработать деньги и прокормиться. Вероятно, в то же лето Ольга Александровна работала на калифорнийской сушке фруктов под Самаркандом. Надо было серой окуривать кишмиш и абрикосы и насыпать их на подносы. В это лето Ольга Александровна выучила таджикский язык. Вот как вспоминала об этом она сама: "Вместе со мной работало еще десять мальчиков из местных. И я решила сама выучить язык. Поставила себе задачу – каждый день не меньше десяти слов выучивать. Сначала названия, потом действия. Иногда я делала ошибки, а мальчики подшучивали надо мной. С 15 лет я уже могла записывать на таджикском языке"[18]. Вероятно, именно с этого времени она стала серьезно интересоваться не только языком, но и бытом местного населения. Во всяком случае позже она писала, что начала собирать материал по верованиям самаркандских таджиков, начиная с 1918 г.[19]

Учась в старших классах Самаркандской женской гимназии, Ольга Александровна одновременно работала в Статистическом управлении, она была участницей переписи 1920 г.[20] Школу закончила в 1921 г. и в том же году вышла замуж за молодого художника-самаркандца Рубена Агабековича Акбальяна (1902–1986). Его отец еще мальчиком приехал из Карабаха в Самарканд, где в то время было много армян, работал портным и в конце концов стал довольно крупным торговцем, хозяином магазина готового платья. Муж Ольги Александровны был очень артистичен, прекрасно читал стихи и в молодости стоял перед выбором – стать художником или пойти в артисты.

По настоятельной просьбе матери Ольги Александровны, которая была глубоко верующим человеком, молодожены обвенчались в кладбищенской церкви Ташкента, куда О.А. Сухарева поехала учиться. Ольга Александровна была нерелигиозна и вместе с мужем отнеслась к этому церковному таинству как к занимательному обря-

ду. Она рассказывала старшей дочери, что, обвенчавшись, они выбежали из церкви и расхохотались.

В том же 1921 г. О.А. Сухарева поступила в Туркестанский восточный институт (ТВИ) в Ташкенте[21]. Самостоятельная жизнь Ольги Александровны, тогда 18-летней девушки, в общежитии Института способствовала осознанному формированию ее характера. В молодости она была очень вспыльчива. Будучи уже пожилым человеком, она рассказывала, что в общежитии никто не обращал внимания на ее эмоциональные вспышки, и она решила избавиться от этого недостатка. Все, кто знал ее впоследствии, отмечали сдержанность в проявлении чувств. Исключительное мужество и выдержку проявляла она в несчастьях, случавшихся в ее семье.

Туркестанский восточный институт – первое высшее востоковедное учебное заведение в Средней Азии – начал работу в 1918 г. Одним из его организаторов и первым энергичнейшим руководителем был крупный туркестановед, этнограф, чл.-кор. АН СССР (с 1929 г.) Михаил Степанович Андреев (1873–1948). Под его руководством был составлен проект Положения о Восточном институте (утвержден в 1921 г.), по которому в задачи этого учебного заведения входило "научное исследование Туркестана, его истории, быта, культуры и языков местного населения; создание кадров ученых востоковедов; создание кадров практических работников, знакомых с языками коренного населения Туркестана и сопредельных стран, в культурном отношении наиболее с ним связанных"[22]. В 1924 г. ТВИ был включен в состав САГУ в качестве самостоятельного восточного факультета[23]. Последний курс Ольга Александровна заканчивала в САГУ.

В Восточном институте собралось "созвездие блестящих востоковедов самого высокого класса"[24]. В то время, когда в институте училась О.А. Сухарева, его возглавлял проф., чл.-кор. АН СССР (с 1925 г.) Александр Эдуардович Шмидт (1871–1939) – крупнейший арабист и исламовед, до 1920 г. работавший в Петербургском университете на кафедре арабской словесности. Выдающийся знаток истории Средней Азии, иранист Александр Александрович Семенов (1873–1958) читал введение в иранскую филологию, персидскую филологию и преподавал персидский язык; замечательный собиратель и знаток среднеазиатского фольклора Абубекр Ахмеджанович Диваев (1856–1932) – этнографию казахов и казахский язык; М.С. Андреев – персидский язык, этнографию таджиков, историко-географический обзор Афганистана, таджикские наречия; известный географ, историк и этнограф Средней Азии Николай Гурьевич Маллицкий – географию Западного Туркестана, экономическую географию Туркестана и этнографию сартов; тогда еще молодой ученый, а позднее известный востоковед, ученик В.В. Бартольда и С.Ф. Ольденбурга Иван Иванович Умняков (1890–1976) – историю мусульманского Востока. Петр Евдокимович Кузнецов преподавал узбекский язык[25]. До 1922 г. с институтом сотрудничали В.В. Бартольд, читавший там "Историю Туркестана", тюрколог С.Е. Малов, гениальный лингвист и востоковед Е.Д. Поливанов, лингвист и этнограф И.И. Зарубин и др.

Ближайшими учителями Ольги Александровны в Восточном институте и в САГУ были А.А. Семенов и М.С. Андреев [26].

Несмотря на плохое положение с учебными пособиями в первые годы существования, к 1923 г. в Восточном институте была создана библиотека, насчитывавшая до 5300 томов и 200 рукописей по самым разнообразным отраслям востоковедения. Функционировал научный кружок, возглавляемый И.И. Умняковым, в работе которого участвовала и Ольга Александровна. В частности, на заседании кружка она делала доклад о браке и свадебных обрядах таджиков Шахристана, который был напечатан в 1928 г. в сборнике кружка[27]. На эту тему Сухарева написала свою дипломную работу.

В Восточном институте и САГУ О.А. Сухарева получила прекрасную языковую подготовку. Она изучала узбекский и таджикский (кстати, она единственная из плеяды будущих этнографов пришла в Восточный институт со знанием таджикского

языка). А.А. Семенов и М.С. Андреев придавали изучению языков первостепенное значение.

По настоянию М.С. Андреева студенты ТВИ во время каникул отправлялись в командировки в различные районы края для языковой практики[28]. Ольга Александровна проходила такую практику в Ура-Тюбинской вол. Ура-Тюбинского (Истаравшанского) вилайета Таджикской АССР (ныне – Согдийская обл. Таджикистана).

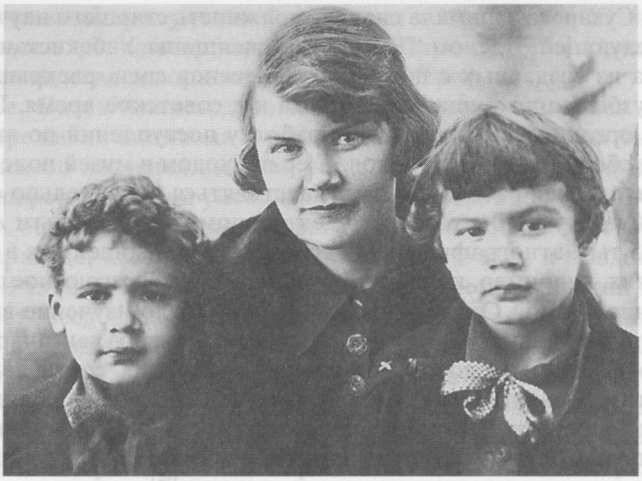
Насколько блестяще владела Ольга Александровна таджикским, рассказывала Т.Х. Ташбаева. В 1960-е годы она с О.А. Сухаревой собирала полевой материал в Самарканде. Однажды они пришли в чайхану для пожилых людей, и Ольга Александровна долго разговаривала там со стариками-таджиками, один из которых повел ее показывать остатки крепостной стены. Остальные обратились к Т.Х. Ташбаевой: "Почему эта женщина так похожа на русскую?" И сколько ни старалась она убедить их, что Ольга Александровна Сухарева русская, ей это не удалось: "Скажи ей, пусть она проверит свои корни. Так говорить по-таджикски только таджик может", – говорили ей старики.

Языки, по-видимому, давались Ольге Александровне очень легко. Она знала узбекский, правда, не так блестяще, как таджикский, тем не менее собирала полевой материал в узбекских кишлаках. Однако письменным языком владела не настолько хорошо, как сама хотела бы. Выйдя замуж, она какое-то время жила в семье мужа, где говорили на армянском языке. Ольга Александровна освоила армянский и всегда говорила по-армянски со своей свекровью, плохо знавшей русский. Когда позже, в середине 1930-х годов, в ее собственном доме появилась домработница из немцев Поволжья, Ольга Александровна выучила немецкий язык и разговаривала с этой женщиной на немецком. Кроме того, она знала французский. Е.Р. Акбальян вспоминала, что мама с бабушкой (матерью Ольги Александровны) всегда переходили на французский, когда разговор не предназначался для детских ушей.

Учась на последнем курсе САГУ, О.А. Сухарева начала работать преподавателем в Таджикском институте просвещения (Таджикинпросе) в Ташкенте. Это было учебное учреждение, готовившее учителей для таджикских школ и собравшее в своих стенах таджиков из разных районов. М.С. Андреев нередко приходил туда со студентами, которые учились у него таджикскому языку[29].

Ольга Александровна прослушала курс лекций и сдала выпускные экзамены в САГУ в 1925 г., после чего поехала в Самарканд, куда ее назначили заведующей учебной частью женского таджикского педагогического техникума. Там она проработала до 1927 г., написала дипломную работу "Свадьба самаркандских таджиков", защитила ее и вернулась в Ташкент на прежнюю работу в Таджикинпросе. Кроме этого она начала работать в САГУ в таджикской группе рабфака, преподавала природоведение и географию, а потом таджикский язык. В то время учебников на таджикском языке почти не было, и О.А. Сухарева написала учебник по ботанике на таджикском языке, который вышел в 1927 г.[30]

К тому времени Ольга Александровна была авторитетным специалистом в области таджикского языка. После окончания САГУ она предполагала заниматься филологией[31]. Ее привлекли к работе по латинизации таджикского алфавита, которая проходила в 1924–1930 гг. В частности, для выработки норм литературного языка следовало иметь подробную информацию о современных таджикских диалектах. Группе, возглавляемой М.С. Андреевым, поручили собрать основные сведения по фонетике и грамматическому строю таджикских говоров. Для этого изучалась речь учащихся Таджикинпроса, где тогда работала О.А. Сухарева[32]. Результаты данного исследования были опубликованы М.С. Андреевым в 1930 г.[33] Тогда же Ольга Александровна написала учебное пособие по таджикскому языку для русских – "Руководство к изучению таджикского языка" в двух книгах, которое до 1941 г., времени перехода на русскую графику, оставалось единственным такого рода пособием[34]. Многие до сих пор считают его лучшим учебником таджикского языка[35]. По вопро-



О.А. Сухарева с сыном Александром (слева) и дочерью Еленой. Конец 1930-х годов

сам латинизации была издана также брошюра Ольги Александровны "Имлои нав" ("Новое правописание") на таджикском языке[36].

В 1930 г. О.А. Сухарева с мужем, который закончил ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт) в Москве, вернулась в Самарканд. В том же 1930 г. у нее родился сын Александр, в 1931 г. – дочь Елена, а в 1941 г. – Марианна. Семья поселилась на Некрасовской улице в небольшом кооперативном глинобитном доме, окруженном садом. Улица шла в гору, дом стоял высоко и за глинобитным дувалом напоминал крепость. Рубен Агабекович много писал, участвовал в художественных выставках и стал одним из первых членов Союза художников Узбекистана. Увлекшись народными ремеслами, он на профессиональном уровне освоил керамическое производство.

В Самарканде Ольга Александровна работала преподавателем Таджикских центральных педагогических курсов, переводчиком Таджикинпроса, преподавателем таджикского языка на факультете языка (филологическом) Узбекского государственного университета (УзГУ, с 1960 г. – Самаркандский государственный университет). Т.А. Жданко, которая с 1930 по 1935 г. жила в Самарканде, говорит, что Ольга Александровна в начале 1930-х годов занималась в основном филологическими трудами. Сама О.А. Сухарева вспоминала: "Я долго думала по языку работать. А потом все-таки решила, что заниматься народной жизнью интереснее"[37]. Она дружила с таджикскими литераторами, в частности с С. Айни, занималась переводами художественной литературы.

В 1934 г. начался "музейный период" жизни Ольги Александровны. Она перешла на работу в Самаркандский музей. Еще в 1930 г. туда приехали по распределению молодые специалисты – выпускники МГУ: Т.А. Жданко, Г.П. Снесарев, Ю.А. Шибаева. Им была поручена организация экспозиции исторических отделов и отдела по современному быту населения Узбекистана[38]. Они ездили в экспедиции, собирали материалы и экспонаты для новых отделов музея.

В музее работал и брат О.А. Сухаревой археолог Иван Александрович Сухарев, бывший сначала заместителем директора по научной части, а с 1935 г. – заведующим отделом древней и средневековой истории Узбекистана и археологическим кабинетом. До войны он возглавлял всю научную деятельность музея и очень много сделал для его реорганизации, сбора и систематизации коллекций, создания новых экспозиций[39]. Через него молодые московские ученые познакомились и с Ольгой Александровной, а с 1934 г. вместе работали в музее.

В музее О.А. Сухарева занимала сначала должность старшего научного сотрудника, а затем заведующей отделом "Труд и быт женщины Узбекистана". Экспозиция отдела состояла из созданных с помощью манекенов сцен, раскрывающих разные стороны быта узбекских женщин в прошлом и в советское время. В отделе Ольга Александровна организовала научную обработку поступлений по вышивке, ткачеству и одежде и сбор новых материалов. С ее приходом в музей полевая этнографическая и собирательская работа стала осуществляться параллельно с научно-исследовательской. К концу 1940-х годов при деятельном участии Ольги Александровны музей собрал 5,5 тыс. этнографических экспонатов, объединенных в 116 коллекций. Некоторые из них, например, коллекция сузани, имели "всесоюзное значение"[40].

Главной научной темой О.А. Сухаревой в музее было изучение вышивки. Обработать музейную коллекцию вышивок, по словам Ольги Александровны, ей поручил И.А. Сухарев. Это была довольно большая коллекция, составленная из случайных, не паспортизированных поступлений. Ольга Александровна видела свою задачу в том, чтобы "определить вышивки по месту и времени выполнения, раскрыть их роль в быту и подготовить для использования в музейной экспозиции и в научных целях, а также пополнить коллекцию новыми вещами"[41].

Ольга Александровна серьезно и с большим энтузиазмом подошла к этому делу. Она собрала обширный и уникальный этнографический материал. Т.А. Жданко вспоминала, что в отделе "Труд и быт женщины" всегда толпился народ, в основном женщины. Ольга Александровна беседовала с ними в музее, ходила к ним домой, работала в пригородах Самарканда, в Ура-Тюбе, Ургуте, Бухаре. "У Ольги Александровны вообще было бесконечное количество знакомств с местными жителями. Она уже давно жила в Самарканде, великолепно знала языки и считалась там своим человеком. Они ее очень любили, очень понимали ее задачи, сочувствовали ее задачам"[42].

Для определения времени создания вышивок О.А. Сухарева изобрела собственную методику опроса женщин. Все женщины – и молодые, и пожилые – прекрасно знали состав своего приданого, кто и как его делал – в семье или отдавали мастерам и т.п. В приданое же входил целый комплекс вышивок: покрывала, сузани разного назначения, намазлыки и пр. Ольга Александровна выясняла у женщин состав их приданого и время свадьбы, что помогало ей точно датировать вышивки.

О.А. Сухарева собирала также материал по истории и современному состоянию вышивального дела, его технологии и характеру употребления вышивок в быту. Она просила мастериц рисовать известные им орнаменты вышивок и составляла альбомы с образцами орнаментов, выполненных местными женщинами-рисовальщицами. К 1940 г. в музее хранились альбомы с 232 такими орнаментами[43]. Отдельная область ее исследования была связана с верованиями и демонологией, отраженными в орнаменте. Это очень тонкая и трудная область для сбора полевого материала. Однако безупречное знание языка, уважение, которое О.А. Сухарева внушала информантам своими обширными познаниями, установление доброжелательных отношений с женщинами позволили ей избежать "фантастических" или вульгарных интерпретаций орнамента, о которых она с горечью писала, рецензируя некоторые исследования по вышивке[44].

Всюду, куда Ольга Александровна ездила для изучения вышивки, она приобретала новые предметы для музея. Работавшая с ней в то время Т.А. Жданко вспоминала: "Собирательская ее деятельность – это поразительная деятельность. Она замечательные коллекции собирала. По одежде и, главное, по вышивке, по сузани – это что-то совершенно необычайное по красоте и по качеству как музейных экспонатов". В частности, в результате поездки 1937 г. в Бухару в музее появилась коллекция из 42 экземпляров бухарских вышивок, среди которых имелось несколько уникальных. За период работы О.А. Сухаревой в музее ее стараниями коллекция вышивок значительно пополнилась: уже к 1940 г. она включала 800 предметов. На основе собранных материалов Ольга Александровна составила научные описания сузани по районам их производства, ввела часть их в экспозицию музея и организовала выставку по дореволюционной истории сузани. В 1940 г. она подготовила рукопись

"История Самаркандской декоративной вышивки с середины XIX в. до революции"[45]. В архиве музея хранились рукописи О.А. Сухаревой по вышивке: "Ургутская вышивка", "Самаркандская декоративная вышивка"[46].

Работая в музее, Ольга Александровна одновременно занималась кандидатской диссертацией "Пережитки анимизма у равнинных таджиков". Тема была сложна и требовала прекрасного владения языком, установления доверительных отношений между ученым и информантами и умения собирать полевой материал. Сбор материала по шаманству, обрядам и верованиям равнинных таджиков Ольга Александровна начала в Самарканде, как она писала сама, еще в 1918 г. и продолжала записи вплоть до 1940 г. В 1926, 1928–1929 гг. она собирала материал по этой теме в Северном Таджикистане: беседовала в основном с женщинами, занимавшимися знахарством и шаманской практикой, и теми, кто обращался к ним за помощью. В Ура-Тюбе она присутствовала на камланиях[47], попасть на которые постороннему человеку было практически невозможно. Ольга Александровна рассказывала писательнице Л.А. Синицыной, как ей это удавалось: «... я прибегла к хитрости. Стала рассказывать женщинам сон, который якобы мне приснился. Этот "сон" выстраивался таким образом, что мне надо было обязательно провести камлание, успокоить души умерших, которые побеспокоили меня по этому поводу. Женщины заволновались, захлопотали, сказали, какое мне надо приготовить угощение, что купить на базаре, и вскоре провели камлание, на котором я была "главной виновницей". А когда понадобилось камлание, связанное с болезнью, приходилось притворяться больной»[48]. В Самаркандском музее хранилась рукопись О.А. Сухаревой 1938 г. "Анимистические представления и остатки шаманства у таджиков в некоторых районах" (151 с.), в которой, вероятно, нашли отражение ее полевые материалы по изучавшейся теме, а также рукопись самой диссертации (1939 г., 140 с.)[49].

Защита диссертации состоялась в день рождения Ольги Александровны – 15 февраля 1940 г. на этнографическом отделении филологического факультета Ленинградского государственного университета. Это была одна из двух первых работ, защищенных в этом университете, после того, как ему было предоставлено право присуждения ученых степеней по специальности "этнография". Официальными оппонентами являлись выдающийся русский этнограф чл.-кор. АН СССР Д.К. Зеленин и известный тюрколог чл.-кор. АН СССР С.Е. Малов. Позднее Ольга Александровна опубликовала эту диссертацию, переработанную в виде большой статьи, в сборнике "Домусульманские верования и обряды в Средней Азии" (М., 1975).

Защита диссертации была связана с трагическим для Ольги Александровны событием. За несколько дней до защиты умер от менингита ее любимый 10-летний сын. Она не перенесла защиту на более поздний срок, но просила свою близкую подругу А.К. Писарчик, которая в то время жила в Самарканде и тоже работала в музее, не оставлять ее одну. Именно после этого у Ольги Александровны появился и надолго сохранился судорожный вздох.

Во время Великой Отечественной войны О.А. Сухарева продолжала трудиться в музее. Несмотря на отговоры А.А. Семенова и М.С. Андреева, которые хорошо знали семью Сухаревых, ушел на фронт ее брат Иван Александрович, хотя и имел бронь. Он погиб в 1942 г. под Воронежем.

Е.Р. Акбальян, которая была в то время подростком, вспоминала, что однажды Ольга Александровна пришла из музея очень расстроенной. Оказалось, в музей позвонили из обкома партии и потребовали золотошвейный халат в подарок иранскому шаху. "Но я сказала им, – отвечала Ольга Александровна матери на ее расспросы, – что у нас нет ни одного настолько малоценного для науки халата, чтобы его дарить какому-то шаху!". Она пригрозила, что пошлет тогдашнему наркому иностранных дел В.М. Молотову телеграмму с уведомлением. Чем закончилась эта история, не известно, но реакция Ольги Александровны, которая прежде всего думала об интересах науки, очень характерна.

Деньги на приобретение новых музейных экспонатов во время войны выделялись по минимуму, и собирательская деятельность в итоге стала невозможной. Однако некоторые предметы одежды или образцы вышивки были настолько интересны или ценны, что Ольга Александровна покупала их для музея на собственные, иногда последние деньги. Ее дочь описывает в своей книге один из таких случаев на самаркандском базаре: "…мы почти бегом спускаемся вниз. И попадаем в царство тюбетеек. Они колышутся над головой, нанизанные на суровую нитку. Лежат на разостланных тряпицах. А еще, надетые одна на другую, яркими столбиками растут прямо из паранджей, скрывающих неподвижные женские фигуры. Мама обо всем уже забыла и разбирает столбик за столбиком… И вдруг она вцепляется в скромную, небогатой вышивки тюбетейку.

– Посмотри, – шепчет она. – Это же парашюты!

Теперь вижу и я: да, настоящие парашютики – два малиновых, два зеленых. Купола у них и стропы. А вокруг обычное – листочки, завиточки.

– Надо же такое изобрести! – радуется мама. – Вот тебе и древнее искусство…

Она быстро задает парандже вопросы, и я понимаю: плакали наши денежки. Сейчас она купит тюбетейку для музейной коллекции"[50].

Зимой 1942 г. в Самарканд приехала в эвакуацию Т.А. Жданко с 4-летними дочерьми-близнецами и матерью. Она сразу стала работать в музее, готовить выставку о героях войны[51]. Ольга Александровна пригласила их поселиться в своем доме на Некрасовской, где жила с мужем, двумя дочерьми, теткой и домработницей. Там нашлось место и для родственников, переживших блокаду в Ленинграде. Одни жили за ширмой, другие – в темной комнате, третьи – на веранде. Рубен Агабекович во время войны работал в агитмастерской, созданной художниками Самарканда, и подолгу уезжал в Ташкент, где руководил работой народных мастеров по оформлению театра им. Хамзы.

Т.А. Жданко вспоминала, что в то время они питались в основном черепахами, и когда Рубен Агабекович бывал в Самарканде, он помогал их разделывать. За черепахами выезжали в степь всем коллективом музея. Е.Р. Акбальян описала, как тяжело было женщинам убивать и разделывать этих животных. Однако черепашьи супы помогли выжить в те полуголодные годы. "Рядом с машевыми супами и пловом из джугары они были потрясающе, неправдоподобно вкусны, они имели вкус еще той, довоенной жизни"[52].

О.А. Сухарева продолжала трудиться в музее до 1946 г. – в последние годы по совместительству, так как одновременно работала доцентом по кафедре истории Самаркандского педагогического института и на историческом факультете УзГУ. Она читала курсы общей этнографии и этнографии народов Средней Азии[53]. Одним из ее слушателей был будущий американский советолог М. Ривкин, в те годы эвакуированный в Самарканд. В 1990 г. он показывал автору этой статьи свою зачетку с росписью Ольги Александровны, которая поставила ему оценку "хорошо" за экзамен по общей этнографии.

В 1946 г. О.А. Сухарева с семьей переехала в Ташкент и стала работать в Институте истории и археологии АН Узбекской ССР сначала старшим научным сотрудником, а затем заведующей сектором этнографии. В 1950-е годы там работали кандидаты наук Ш. Иногамов, М. Бикжанова, К. Шаниязов, Ф. Арипов, И. Джаббаров, несколько лаборантов и аспиранты. По воспоминаниям работавшей в секторе в 1960-е годы Т.Х. Ташбаевой, Ольга Александровна была строгой и требовательной заведующей сектором, и ее "боялись". Думается, это связано с огромным объемом коллективных работ, которые выполнял сектор в то время. В середине 1950-х годов велась подготовка глав для "Истории Узбекской ССР", разворачивалось этнографическое исследование колхозного крестьянства, требовавшее организации нескольких постоянных экспедиций[54], одним из результатов которого стала известная монография О.А. Сухаревой и М.А. Бикжановой о селении Айкыран[55], начиналась трудоемкая работа над главой "Узбеки" для "Народов мира". Кроме того, у каждого сотрудника имелась и своя научная тема. Все это требовало от Ольги Александровны четкой организации коллективной работы.

О.А. Сухарева в Бухаре. 1948 г. Фото М.Я. Розенкранца

Возможно, ее требовательность к сотрудникам сектора объяснялась еще и тем, что она хотела оградить их от придирок дирекции. Отношения О.А. Сухаревой с директором института Я.Г. Гулямовым[56] складывались непросто. Каковы причины этого, сейчас трудно сказать. Вероятно, не последнюю роль играл и независимый характер Ольги Александровны, умеющей отстаивать свое мнение, не взирая на лица. Родным она жаловалась на "душную атмосферу" в институте. Директор позволял себе вмешиваться в работу отделов: брал на работу сотрудников, не советуясь с заведующими секторами, указывал лаборантам, что именно им делать и по какой теме работать. Ни одно предложение Ольги Александровны по кадрам не было принято. О.А. Сухарева не боялась выступать против действий директора на партбюро, хотя и не состояла в партии, и на Ученом совете или высказывать ему претензии лично, когда не пропускали к защите, к примеру, диссертацию М.А. Бикжановой или посылали на сбор хлопка аспиранта, которого сектор направлял в Москву. В 1958 г. на Ученом совете директор предложил постановить, что О.А. Сухарева сорвала государственный план (не закончила к сроку работу по "Бухаре", о которой речь пойдет ниже) и занялась "обогащением": вышел в свет перевод повести Айни "Смерть ростовщика", сделанный Ольгой Александровной еще в 1956 г., и были прочитаны четыре лекции по исламу, бесплатно (!), "с великой для меня тяготой", как говорила она сама. Необъективность такого утверждения была столь очевидной, что Ученый совет не поддержал директора. Впоследствии Ольга Александровна рассказывала, что эта "клевета", как она ее называла, получилась настолько некрасивой и неправдоподобной, что ей удалось при этом сохранить уравновешенность и спокойствие. Она писала своим близким: "…что и говорить, работать это мешает и еще будет мешать. Как это надоело – ведь вся работа в Академии шла через эти препятствия, не имеющие никакого отношения к науке". Несколько раз О.А. Сухарева обращалась в дирекцию с просьбой освободить ее от заведования сектором.

В Ташкенте Ольга Александровна продолжала разрабатывать научные темы, начатые ею в Самарканде. Она опубликовала в разных изданиях несколько статей, посвященных народному декоративному искусству и художественным ремеслам, среднеазиатским головным уборам, культу мусульманских святых[57]. Но самой главной и любимой ее работой в ташкентский период жизни стало этнографическое исследование Бухары.

Ольга Александровна не раз писала, что идея монографического изучения среднеазиатского города по этнографическим данным зародилась у М.С. Андреева, который выбрал объектом изучения Бухару. В 1940 г. он возглавил экспедицию САГУ в составе М.С. Юсупова, Н.В. Русиновой, О.Д. Чехович и Л.И. Ремпель. Однако эта работа была прервана из-за войны. После переезда в Ташкент О.А. Сухаревой он привлек ее к этому исследованию, и в 1947 г. они вместе ездили в Бухару. Затем

Ольга Александровна совершала поездки в Бухару ежегодно до 1950 г., а также в 1956 и в 1960 гг. В 1948 г. кроме Бухары она работала еще и в Карши и Шахрисябзе[58].

Работа над "Бухарой" шла параллельно с множеством других тем и организационных дел. В своих письмах 1955, 1956, 1958 гг. Ольга Александровна постоянно пишет о всяческих задержках и затяжках, мешающих ей работать над своей основной темой, о том, что дирекция института "наседает" с окончанием "Бухары", но творческого отпуска для ее завершения не дает: "...меня здесь просто заклевывают за затяжки, хотя все знают, что они происходят из-за того, что мне приходится делать все новые и новые работы по поручению того же начальства..." (1955 г.); «а это для меня просто зарез (медленная работа над главой "Узбеки" для "Народов мира". – *О.Н.*), так как, сдав "Узбеков", я смогу взять творческий отпуск для окончания "Бухары", на что мне нужно не меньше 6 месяцев, совершенно свободных от других работ» (середина января 1958 г.); «я нахожусь уже на последнем издыхании, устала, рвусь к "Бухаре"...» (середина мая 1958 г.).

Не помогли и ходатайства из Москвы. Во время проверки института комиссией АН СССР О.А. Сухарева обсуждала свою тему с возглавлявшим комиссию акад. М.Н. Тихомировым. "...Он чрезвычайно поддержал и одобрил все мои аспекты и поздравил с удачной темой. А еще, может быть, важнее было то, что он сказал руководству о необходимости создать условия для завершения работы", – писала она в 1956 г. Т.А. Жданко. Тут же она описывает "комическую" ситуацию, связанную с ее темой. Другой член комиссии – И.И. Смирнов – на заседании Ученого совета института заявил, «что недостатком наших планов является отсутствие в них актуальных, острых тем, и что единственной такой темой является "Позднефеодальный город". Наши несмело напомнили, что есть и еще актуальные темы, вроде колхозного строительства – но Смирнов стоял на своем. Несмотря на комизм утверждения, я была ему очень благодарна: в результате, думаю, что год мне будет обеспечен полностью». Но отпуска Ольга Александровна так и не получила.

Несмотря на огромный объем работы, О.А. Сухарева успевала писать статьи, в которых решала вопросы, встававшие перед ней при разработке ее основных тем. Так, в начале 1958 г. она интересуется у Т.А. Жданко, нельзя ли издать ее большую статью (4 а.л.) по ремеслу. В статью "К вопросу о генезисе профессиональных культов" Ольга Александровна вложила давно вынашиваемые ею мысли о ремесле, вышивальном искусстве, шаманстве и знахарстве, связанных единой идеей и концепцией (конец января – февраль 1958 г.)[59]. В том же году она предложила Т.А. Жданко издать "Среднеазиатский этнографический сборник", специально посвященный ремеслам, и опубликовать там неизданные рукописи П.А. Гончаровой по золотошвеям, Н.В. Русиновой по набойке, М.А. Бикжановой по ташкентским ювелирам, А.К. Писарчик по строителям и нуратинскому ткачеству и др. Сама Ольга Александровна предлагала туда несколько статей – по ткачеству, литью и ювелирному делу. Видимо, эта идея не могла быть тогда реализована, так как несколько месяцев спустя Ольга Александровна спрашивала Т.А. Жданко о возможности поместить свою статью о литье металлов в какой-нибудь этнографический сборник[60]. В конце года она предлагает еще одну статью – об обработке волокна.

Работа над "Бухарой" продолжалась 15 лет. Результатом ее стала докторская диссертация "Позднефеодальный город. Бухара конца XIX – начала XX вв."[61], которую Ольга Александровна с успехом защитила в Москве в 1962 г. Собранных материалов хватило на четыре книги общим объемом около 60 печатных листов[62].

Много сил было отдано еще одной работе – главе "Узбеки" для среднеазиатских томов серии "Народы мира". Письма О.А. Сухаревой, сохранившиеся у Т.А. Жданко, писались в основном в связи с этим совместным трудом. Они представляют несомненный историографический интерес, раскрывая, как шла работа над этим знаменитым изданием, и показывают огромную организационную и научную работу, которую проделала Ольга Александровна. В 1955 г. коллектив сектора обсуждал очередной вариант главы, присланный из Москвы, и "забраковал" его. "...Дело не

только в отдельных ошибках и недостатках. Неудачна и структура… И совершенно ужасный язык. Читалось с трудом, без интереса. Я вспоминаю первый вариант… Он тоже этим отличался, был нестерпимо скучен и банален, без живой мысли", – писала Ольга Александровна. И далее она намечает общий план будущей работы. "Понятно, что узбеков писать особенно трудно – материала и немало, а вместе с тем ничего глубокого нет, все разрозненные куски. Тут надо писать, владея материалом собственным, при том не по одному району, а по всем важнейшим – либо иметь возможность пополнить недостающий расспросами. Видимо надо организовать авторский коллектив и сделать эту работу всем скопом, один человек этого не сможет. Как это организовать при нашей занятости выше головы – я не представляю" (июль 1955 г.).

Кроме организационных проблем были и научные. "Вы правы, – пишет Ольга Александровна в следующем письме, – что самое трудное – это сделать работу этнографичной, и, в сущности, все мы не знаем, как это сделать" (август 1955 г.). Трудность заключалась в том, чтобы о современной жизни написать с этнографической точки зрения. Опыта изучения того, что сейчас называется "этнографией современности", тогда еще было мало. Уже в 1960 г., говоря о тексте "Узбеков", отредактированном в Москве, Ольга Александровна отмечала "недостаточный показ современных узбеков, при большом нажиме на старое. Этот недостаток имелся и в нашем варианте, а при редактировании он усилился, т.к. во многих разделах сокращение прошло именно за счет современного… Слов нет, пишем мы о современном плохо, потому что это гораздо хуже изучено и хуже поддается изложению".

Другой трудностью, которую следовало преодолеть при написании "Узбеков", была архаизация традиционной жизни. Критикуя представленный раздел К.Л. Задыхиной о социальной организации, Ольга Александровна отмечает, что "степени родства даны только в плане классификационной системы, т.е. страшной архаики. Вообще заглублено все, архаизировано так, что наши будут возражать решительно и, я считаю, правильно" (середина мая 1958 г.). В частности, "обрезание (кстати, в Средней Азии древних корней не имеющее) превратилось в прямую инициацию самого первобытного типа".

Организационная работа над "Узбеками" началась в 1956 г.: разработали проспект, О.А. Сухарева формировала коллектив авторов из Москвы, Ленинграда и Ташкента по разным разделам и подразделам. Авторам была вручена их часть проспекта, получена от них более детальная разработка этих частей. Определено количество страниц для каждого. 1957 г. ушел на экспедиционные выезды и написание разделов главы. Ольга Александровна обсуждала с авторами различные аспекты их работы, переписывалась с иногородними коллегами, готовила свои части к разделам "Основные занятия", "Города и селения", "Одежда", "Общественный и семейный быт". В 1958 г. она начала собирать авторские тексты.

В одном из писем Ольга Александровна характеризовала работу с авторами: "…до обсуждения целых разделов много раз порой читаем вместе с каждым написанное им, и все раз и больше переделывается; только тогда получается в какой-то мере в общем плане и интересно. Но боюсь даже называть Вам число страниц, которое мы, вероятно, Вам представим. Так как каждый должен для раздела, который он пишет, все додумать, доказать и сформулировать, получаются целые маленькие исследования каждого вопроса" (середина мая 1958 г.). Такое исследование, в частности, получилось у Б.Х. Кармышевой, которая, как пишет О.А. Сухарева, «прислала нам очень хорошую, обстоятельную статью по племенам, но так же, как и я с "Ремеслом", в 4 раза больше лимита. Она сделала это тоже сознательно, чтобы получилась обоснованная и прежде всего для себя, а потом и для читателя решенная сводка, так как пока таких сводок еще нет. Получилось, действительно, нечто цельное и новое» (конец января–февраль 1958 г.).

К концу мая 1958 г. почти все тексты были получены, хотя некоторым авторам приходилось телеграфировать по нескольку раз. В то время Ольга Александровна

сообщает Т.А. Жданко: "Первый этап работы – собирание всех шести разделов – подходит к концу… Чувствую, что мы взваливаем на вас большой труд – читать все наши сотни страниц – но иного выхода, видимо нет. Но я уверена, что, благодаря тому, что каждый вопрос был изложен полно, со всеми фактами, статья выиграет. Конечно, избранный нами путь – более трудный, более долгий, но зато он обеспечивает публикацию не сводки старых материалов, а сводку того, что еще не всегда опубликовано". В дальнейшем Ольга Александровна предполагала "серьезную редактуру" и уже ее проводила: "Я, как руководитель всей этой работы, провожу работу с авторами и с редакторами отдельных разделов, например, с Вахабовым[63], который закончил редактировать весь I раздел (этническая история), я много раз имела беседы и в ходе его работы как автора отдельных частей этого раздела, и после того, как он объединил в одно целое все части, написанные Ш. Иногамовым, Кармышевой, Задыхиной и им самим. Как раз сейчас он правит этот текст по моим замечаниям". Затем предполагалось послать текст в Москву, в сектор Средней Азии и Казахстана, потом исправить по полученным оттуда замечаниям, обсудить и подвергнуть сокращению (31 мая 1958 г.).

В целом Ольга Александровна, несмотря на все трудности этой работы ("она прямо меня измучила"), была очень довольна результатом: "Но хотя все, конечно, еще сыро, мне нравится, кажется очень интересным. Сокращать будет нелегко – слишком уже мы превысили лимит, но зато каждый вопрос всесторонне разработан и, на сегодняшнем уровне решен. …Не знаю еще, что выйдет в конце концов, но пока какое-то чувство удовлетворения у меня есть" (31 мая 1958 г.).

Весь собранный текст О.А. Сухарева предполагала за два года переработать в две коллективных монографии объемом более 20 а.л. каждая – "Узбеки" (на узбекском языке) и "Очерки по этнографии узбеков" (на русском) – и издать их в Ташкенте.

1958 г. был для Ольги Александровны очень напряженным. Два месяца ушло на подготовку к печати и редактирование книги Валентины Георгиевны Мошковой о среднеазиатских коврах. В.Г. Мошкова была однокурсницей О.А. Сухаревой. С 1929 по 1945 г. она собрала ценнейший материал о ковроделии и коврах, но не успела его опубликовать. В конце жизни она сильно болела. Узнав о ее болезни, Ольга Александровна перевезла ее к себе, ухаживала за ней. В.Г. Мошкова умерла у нее на руках в 1952 г.[64]. После смерти В.Г. Мошковой ее архив разбирала Анна Сергеевна Морозова, близкий друг ее и О.А. Сухаревой. Ольга Александровна была ответственным редактором подготавливаемой к изданию монографии, однако она активно участвовала и в написании текста, и в подборе иллюстраций.

Работа началась, вероятно, в середине 1950-х годов. В 1956 г. Ольга Александровна писала Т.А. Жданко, что А.С. Морозова «очень успешно над ней трудится, подготовили превосходные таблицы элементов, готовим фото. В этом году будет завершено "Ковроделие в Узбекистане", на будущий год – Туркмении». Ольга Александровна предполагала завершить рукопись в 1959 г., однако данная работа была внесена в список книг, издаваемых к конгрессу. О.А. Сухаревой и А.С. Морозовой пришлось "очень напряженно работать" и срочно в два месяца закончить начатое дело. "Анна Сергеевна очень много потрудилась, мы с ней и ссорились на этом много раз…, чуть не до слез". "И пришлось очень многое сильно править, а подчас, вместе с Анной Сергеевной, писать кусками заново", – писала Ольга Александровна в письмах в 1958 г. Осенью книга В.Г. Мошковой уже была сдана в издательство. В результате напряженного труда (кроме всего перечисленного она написала за этот год еще 10 а.л. "Бухары") Ольга Александровна на два месяца попала в больницу с головными болями – «прикончила голову на редактировании "Ковров"», как она говорила. (Книга В.Г. Мошковой "Ковры народов Средней Азии конца XIX – начала XX в." вышла лишь в 1970 (!) г.)

Среди многих работ, которые О.А. Сухарева предлагала для публикации в Москве, была и ее брошюра "Ислам в Узбекистане". Первоначально автор подготовила ее как главу для монографии "Таджики", которую планировала выпустить Таджики-

станская база АН СССР совместно с Институтом этнографии. Война не позволила осуществить этот замысел, и монография осталась незаконченной[65]. Ольга Александровна предприняла попытку опубликовать эту главу, переработав ее в книгу, отдельным изданием в Узбекистане. Здесь она должна была выйти в сокращенном и "облегченном" виде, а Ольга Александровна хотела бы сохранить ее научный характер. В 1955 г. она пишет Т.А. Жданко: «…нельзя ли издать у вас мой "Ислам", который рецензировал Глеб Павлович (Снесарев. – *О.Н.*). Его приняли тут очень хорошо и будут печатать в сокращенном виде, так как выяснилось, та серия, для которой он предназначался, предназначена для весьма широкого читателя, в то время как моя работа, по существу, является научно-исследовательской, да к тому же и велика (там 4 листа). В свое время на ту работу, которую я писала для монографии "Таджики", во многом послужившую основой для написания этой работы, весьма положительную рецензию дал Крачковский… Он отметил, что материал свежий, рисует не ислам вообще, а специфические среднеазиатские его формы. Это же отмечено и в рецензии Глеба Павловича… В этом случае, т.е. если моя работа будет издаваться у вас, научным изданием, я снабжу ее ссылками и кое-что интересное еще добавлю, в частности по доисламским верованиям… Работу в таком расширенном виде могла бы представить к концу года» (июль 1955 г.).

Видимо, Т.А. Жданко обнадежила Ольгу Александровну, потому что через месяц она пишет, что ее очень порадовал хороший прием, который встретило ее предложение, так как ей не хочется издавать "Ислам" на широкую аудиторию, т.е. для непрофессионального читателя. Она намечает переработать и дополнить текст, расширить его до 5 листов, дать иллюстрации. "Все же эта тематика очень мне близка и интересна", – заключает она. По каким-то причинам издание "Ислама" в Москве не состоялось, и Ольга Александровна опять пыталась опубликовать брошюру в Ташкенте.

В 1957 г. "Ислам" стоял в плане издательства АН УзССР в Ташкенте. «Мой "Ислам" принес мне неожиданную популярность, – писала Ольга Александровна. …Ведь у нас во всем Союзе никто сейчас как следует этим не занимается, ни в общем плане исламоведения, ни в плане ислама у различных народов» (конец ноября – начало декабря 1957 г.). Однако в конце 1957 г. издательство значительно сократило выпуск гуманитарных изданий, и в итоге "Ислам" оказался исключен из плана выпуска. В 1958 г. Ольга Александровна вновь надеется, что книга «поднимется на гребне волны, идущей из Москвы: получено из весьма авторитетных кругов письмо, в котором указывается, что антирелигиозная работа по исламу заброшена, и что это потому, что не ведется исследований. Готовится проект решения президиума, где в одном из пунктов – об издании моего "Ислама"». В результате "Ислам в Узбекистане" был издан в Ташкенте в 1960 г. Брошюра, как указывалось в аннотации, была "рассчитана на агитаторов и пропагандистов, на широкие массы читателей". На самом деле эта работа сохранила свой научно-исследовательский характер, но в связи с условиями издания пришлось снабдить ее "антирелигиозным" введением. И все же, несмотря на вынужденные идеологические штампы той эпохи, она остается классическим этнографическим исследованием бытового ислама.

В 1967 г. О.А. Сухарева, выйдя на пенсию, переехала из Ташкента в Москву, к младшей дочери. Прежде чем оставить Институт истории и археологии АН УзССР, она хотела убедиться, что на ее место будет назначен достойный человек. "Учтя ситуацию в Институте, – писала она Т.А. Жданко, – я хотела воздержаться от указания кандидатуры… но указать просили настойчиво, и я указала Шаниязова. Это человек порядочный, единственный, кто по велению сердца занимается у нас с молодежью". Ольга Александровна уехала только после того, как К. Шаниязов действительно стал заведующим сектором. В Ташкенте О.А. Сухарева оставляла и своих аспирантов. В том же письме она писала: "Пока буду срочно заканчивать руководство аспирантами и младшими (научными сотрудниками. – *О.Н.*), которые работают над дис-

сертациями". Однако после ее отъезда дирекция института заставила некоторых из них изменить тему и отказаться от своего научного руководителя.

Сразу после переезда О.А. Сухаревой в Москву заведующая сектором Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР Т.А. Жданко стала добиваться зачисления Ольги Александровны в сектор. Она писала в докладной записке директору института Ю.В. Бромлею: "Невозможно нашему сектору и Институту в целом, при наличии в Москве этнографа такого масштаба, как О.А. Сухарева, не принять все возможные меры для вовлечения ее в разработку наших проблем. ...Прошу дирекцию обратиться в Президиум с ходатайством о предоставлении Институту такой возможности, учитывая особые обстоятельства – переезд в Москву одного из сильнейших специалистов-этнографов Средней Азии, который несмотря на возраст (1903 г. рожд.) работает деятельно и плодотворно, год за годом издавая ценные и оригинальные труды, основанные на своих многолетних исследованиях и продолжая вести полевую работу". Первое время Ольга Александровна работала в Институте этнографии неофициально, а с октября 1968 г. была зачислена на должность старшего научного сотрудника на общественных началах и не получала зарплаты. Ей предлагали перейти в Институт востоковедения, и она уже собиралась оформляться туда на работу, но Т.А. Жданко, проявив очень большую настойчивость, добилась зачисления ее в штат старшим научным сотрудником-консультантом.

В Москве О.А. Сухарева работала по нескольким темам. Она подготовила к изданию последнюю книгу по Бухаре[66], писала статьи для тематических сборников, издаваемых сектором – по поселениям и жилищу, по верованиям, по проблемам среднеазиатской семьи. Много времени уделяла консультированию и редактированию работ этнографов из Таджикистана О. Муродова, Н.О. Турсунова, защитивших докторские диссертации, аспирантов и стажеров сектора из среднеазиатских республик, в частности Т. Ташбаевой, У. Джахонова, Р. Мустафиной и др.

О.А. Сухарева также возглавила авторский коллектив по разделу "Одежда" для Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. Деятельным помощником Ольги Александровны в этой работе стала Н.П. Лобачева. Ольга Александровна разработала программу изучения среднеазиатского костюма: составила методическое руководство, программы и инструкции для сбора полевых материалов по одежде, планы описания всех элементов одежды для последующего картографирования, координировала полевую и исследовательскую работу этнографов среднеазиатских республик и ленинградской части Института этнографии, консультировала авторов. Проблемы происхождения и развития среднеазиатского костюма увлекли Ольгу Александровну. Материал по всему региону позволял прослеживать и анализировать процессы эволюции в одежде в широком географическом и временном диапазоне. В результате 15-летней работы О.А. Сухаревой и Н.П. Лобачевой раздел "Одежда" Историко-этнографического атласа с картами и объяснительными записками был практически готов. Материалы атласа сейчас хранятся в архиве отдела Средней Азии и Казахстана Института этнологии и антропологии РАН.

Результаты своих исследований Ольга Александровна опубликовала в первом сборнике по одежде, редактором которого она являлась[67]. После смерти О.А. Сухаревой работу по разделу "Одежда" возглавила Н.П. Лобачева, она стала одним из редакторов второго сборника статей по среднеазиатской одежде. Авторы посвятили его "памяти одного из крупнейших советских этнографов, О.А. Сухаревой, положившей начало систематическому изучению костюма народов региона и на протяжении ряда лет руководившей сложной работой по созданию Историко-этнографического атласа народной одежды многонационального населения Средней Азии и Казахстана"[68].

Помимо общих проблем, касающихся традиционной среднеазиатской одежды, Ольга Александровна занялась историей самаркандского костюма. Собирать материалы по традиционной одежде она начала, работая еще в музее в Самарканде, одновременно с изучением вышивки. Свою методику датировки вышивок, базирующу-

юся на составлении многочисленных описаний приданого женщин, Ольга Александровна применила и для определения времени бытования предметов одежды, что позволило ей проследить историю самаркандского костюма с середины XIX в. Собранный материал она обобщила в рукописи, написанной в 1945–1947 гг., и частично опубликовала в статьях[69]. Работая над темой "Одежда" для атласа, Ольга Александровна могла по-новому взглянуть на свое прежнее исследование, переработать его и привлечь широкий сравнительный материал. В 1969–1973 гг. она ездила в Самарканд и собрала там дополнительные сведения для монографии[70]. Эта книга оказалась последней, опубликованной Ольгой Александровной. Она вышла из печати уже после ее смерти.

* * *

Этнография была для Ольги Александровны главным делом жизни, которому подчинялись все остальные ее занятия: она могла пожертвовать многим ради науки. Как вспоминала ее дочь, она с легкостью отказывалась от посещения какой-нибудь художественной выставки или, к примеру, концерта Ойстраха, если могла отдать эти часы работе. Тем тяжелее для нее была трата времени на "борьбу" с начальством в Ташкенте или на написание каких-то "побочных" работ. "Какое безумие откладывать крупные работы, – пишет она Т.А. Жданко по поводу болезни своего коллеги, археолога В.А. Шишкина, исследовавшего городище Варахша. – …Не дай бог, останется его Варахша! А он тут пока пишет о воссоединении украинцев и пр. …Каждый раз думаю – лишь бы успеть сделать что-нибудь толковое! А пока дни бегут в повседневных делах, писать удается лишь урывками" (1956 г.).

Работоспособность ее была поразительна. Написать за короткий период – 1958 г. – 10 листов "Бухары", 4 листа раздела для "Узбеков", несколько крупных статей, да еще отредактировать монографию М.А. Бикжановой и "Ковры" В.Г. Мошковой, собрать и отредактировать главу "Узбеки" для "Народов мира" – это только то, что мы знаем из ее писем! Правда, указанный год по интенсивности работы был тяжел даже для Ольги Александровны. Она писала: "За это время я совершенно оторвалась от всего мира – превратилась в перерабатывающий бумагу автомат: писала, писала, спешила – а жизнь шла где-то мимо. Даже мои дóма, хоть и привыкли к этому, запротестовали".

Выдержать такую нагрузку можно было при хорошем здоровье, четкой организации труда и внутренней дисциплине. Еще со времени своей деятельности в музее в Самарканде Ольга Александровна выработала привычку спать днем. Благодаря этому она могла трудиться до глубокой ночи, и, может быть, именно эта привычка позволила ей сохранить острый ум, хорошую память и высокую работоспособность до последних дней жизни. Однако она всегда внимательно наблюдала за собой: не пора ли, как пишет она в одном из писем, "в тираж". «Недавно убедилась, что голова и память пока не изменяют, – сообщала она в 1958 г. Т.А. Жданко, – написала статью "К вопросу о генезисе профессиональных культов"… Все нужные факты подбирались по памяти – только проверяла. Какая-нибудь беседа, происшедшая пару десятков лет тому назад, в нужном месте вставала с такой ясностью, как если бы это было вчера. Очень была этим довольна». В письмах она часто говорит о здоровье, но всегда лишь в связи с тем, как ей работается. И с присущим ей оптимизмом даже нездоровье использует в "собственных целях": ухаживая за лежачей родственницей, надорвала спину – зато можно целый день просидеть за рабочим столом.

Четкая организация – еще одно условие плодотворной работы. Планируя коллективные труды, например, по "Узбекам" или "Одежде" для Историко-этнографического атласа, Ольга Александровна составляла подробные программы для каждого автора, который четко знал свои задачи, сроки и объем работы. Так же Ольга Александровна любила организовывать и свой труд. К примеру, работая в Институ-

те этнографии, она всегда заполняла планкарту и писала планы и годовые отчеты о проделанной работе, хотя ее должность консультанта не предусматривала этого.

С предельным вниманием она относилась к исследованиям своих более молодых коллег, всячески способствуя их публикации, если видела в их работах интересный этнографический материал. Так, в середине 1960-х годов, получив 80-страничную статью Ф.Д. Люшкевич об ирони, она пишет Т.А. Жданко: "Я знаю, что Люшкевич собрала значительный, раньше никем не поднимавшийся материал о своеобразной и слабо изученной этнической группе, опубликование такой статьи явилось бы, несомненно, вкладом. Только нужно помочь автору доработать, и то, что в этом могла бы сделать я, я готова сделать". Или так характеризует одну из редактируемых ею монографий: "она написана… с массой деталей, недостаточно объединенных теоретическими положениями – но такой богатый и подлинный материал, что работа будет долго служить". Для того чтобы ценный, по ее мнению, материал можно было опубликовать, она готова была бесконечно сидеть со своими аспирантами и докторантами, правя и редактируя их тексты.

Ольга Александровна чувствовала, кому и в чем надо помочь, и была очень требовательна, если считала, что человек наделен большими способностями. Л.А. Чвырь рассказывала, что когда она работала над статьей о таджикских украшениях для сборника, редактируемого О.А. Сухаревой, у нее после замечаний и исправлений Ольги Александровны образовалось 23 (!) варианта статьи. Сама Ольга Александровна говорила, что с текстом следует работать, как с тестом – чем больше месишь, тем лучше результат.

С большой любовью Ольга Александровна относилась к своим информантам. Достаточно вспомнить, с какой теплотой она говорит о них в каждой монографии, к примеру, в "Бухаре": "Жители г. Бухары оказывали автору всемерную поддержку и помощь, без которых работа не могла бы быть выполнена. Одни добросовестно старались восстановить в своей памяти пережитое и щедро делились своими воспоминаниями, другие помогали разыскать нужного, достаточно сведущего информатора (которых теперь, в смене поколений, осталось уже немного), третьи, не боясь усталости, водили к памятным местам, четвертые поддерживали своим сочувствием и интересом к проводимой работе. Многие оказывали открытое и сердечное гостеприимство. Поэтому завершая работу, автор выражает всем этим людям свое самое искреннее уважение и благодарность, а тех, кого уже нет, вспоминает с большой теплотой и светлой грустью"[71].

Ольга Александровна не только "собирала материал", но и искренне интересовалась жизнью этих людей, по-настоящему дружила с ними, была в курсе их семейных дел. После переезда в Ташкент, а потом в Москву она продолжала переписываться со своими информантами.

Это было вообще характерно для отношения О.А. Сухаревой к людям. Она не бросала тех, с кем столкнула ее судьба, а продолжала интересоваться их делами, даже если расставалась с ними. У нее была обширнейшая переписка. В частности, она переписывалась с молодыми сотрудницами сектора этнографии Института истории и археологии в Ташкенте, которых она оставила, переехав в Москву. Она поддерживала и подбадривала их. "Письма Ольги Александровны – как от шамана", – говорили они. Настолько точно предугадывала она события, зная все треволнения их жизни. Если Ольга Александровна считала, что человеку необходимо помочь, она начинала действовать. Так, увидев в Л.А. Чвырь, тогда еще лаборантке, задатки ученого, она решила, что для сектора Средней Азии очень важно получить такого сотрудника, и стала добиваться, чтобы Л.А. Чвырь взяли на постоянную работу. Несмотря на то, что Т.А. Жданко как заведующая сектором поднимала этот вопрос перед дирекцией, Ольга Александровна и сама постоянно ходила к тогдашним заместителям директора С.И. Бруку и Л.Н. Терентьевой и настойчиво убеждала их. Однажды с характерным для нее мягким юмором она заявила С.И. Бруку: "Я буду действовать как этнограф". – "Как это?" – "Магическим образом. Буду выбивать для Люси стол.

О.А. Сухарева. 1982 г.

Будет стол, будет и работа". (В то время у О.А. Сухаревой и Л.А. Чвырь был один стол на двоих.)

Доброту Ольги Александровны всегда чувствовали ее родные и друзья. Мы уже говорили, что в годы войны в ее доме жили семьи Т.А. Жданко и ленинградских родственников. В начале 1950-х годов она перевезла к себе и ухаживала за смертельно больной В.Г. Мошковой. Длительное время у О.А. Сухаревой жила ее троюродная племянница, к которой она относилась как к родной дочери, а также ее тетка Марианилла Ивановна Андржеевская, которая последний год–полтора была прикована к постели и умерла на руках у Ольги Александровны. Тяжелым испытанием стала для Ольги Александровны прогрессирующая болезнь младшей дочери, талантливого художника, болезнь, которая постепенно лишала ее возможности двигаться.

Как Ольге Александровне удавалось совмещать свои материнские обязанности с научной работой? Конечно, помогали обе бабушки, которые жили в Самарканде по соседству. Но естественно, что большая часть забот ложилась на Ольгу Александровну. Приходилось ли ей жертвовать интересами детей ради науки или, наоборот, интересами науки ради детей? Взрослые дочери рассказывали, как много получали они от общения с мамой именно потому, что она была по-настоящему увлечена своим делом. Обычно, занимаясь, она усаживала детей рядом. "Мне всегда было приятно видеть ваши две головки, когда я работала", – говорила она старшей дочери. Работала и ночами, когда дети спали: "Мама пишет диссертацию о шаманстве в Средней Азии. Она работает ночами, придвинув коптилку. Копоти от коптилки нет: это последняя, усовершенствованная модель… иногда я просыпаюсь. С трудом разомкнув веки, смотрю на маму, на ее думающее, поглощенное работой лицо. Слушаю скрип торопящегося по бумаге пера"[72]. Дочери Ольги Александровны не раз вспоминали, как они любили слушать разговоры приходивших к ним в гости маминых коллег.

Очень радовалась Ольга Александровна, когда у нее родился внук: "Летом мне предстоит приятнейшее дело – ехать к Ляле (Елене, старшей дочери. – *О.Н.*) и нян-

читься с внуком", "внук мой – одно очарование: синеглазый, на темечке кудряшки… Но жару мне задает, и мы с Мисей (Марианной, младшей дочерью. – *О.Н.*), пока родители не придут с работы, крутимся с ним и с хозяйством" (из писем к Т.А. Жданко, 1958 г.).

При всей занятости и непростых жизненных обстоятельствах Ольга Александровна оставалась настоящей женщиной. Она очень любила шить, и, несомненно, обладала талантом модельера. Сшитых ею для себя платьев было немного, но каждое представляло собой шедевр швейного искусства. Она отличалась безукоризненным вкусом. Однажды коллеги по сектору подарили ей на день рождения красивую массивную янтарную брошь, однако с трудом можно было представить, с чем и как ее носить. И когда Ольга Александровна в следующий присутственный день появилась с этой брошью, эффектно приколотой к специально подобранной кофточке, все невольно зааплодировали. Любила она и готовить что-нибудь праздничное и необычное. В Ташкенте устраивала для сотрудников сектора чаепития с пирогами. Однажды в Москве в особенно жаркое лето 1972 г. принесла в институт бутылки с заквашенным с мятой и травами "армянским кефиром", как она его назвала, и охлаждала его среднеазиатским способом, обмотав мокрыми тряпками и поставив на сквозняк. Большим увлечением Ольги Александровны были комнатные растения, особенно фиалки. В Ташкенте в ее комнате имелся целый стеллаж с фиалками, и Ольга Александровна, оторвавшись от работы, обычно занималась цветами. Принесла она несколько горшочков с фиалками и в Институт этнографии в Москве и учила лаборантов тонкостям ухода за ними.

* * *

В одном из писем Ольги Александровны есть такая фраза: "И очень удручает в смысле перспектив для себя… вид постепенно и медленно умирающего у тебя на глазах и страдающего человека". Судьба избавила ее от такой участи. Попав в больницу и перенеся операцию, она была полна оптимизма, строила планы на будущее. В последний день ее навестила в больнице Е.А. Давидович, и они долго разговаривали. Через несколько часов Ольги Александровны не стало: оторвавшийся тромб закупорил легочную артерию. Смерть ее была практически мгновенной. Ольга Александровна Сухарева умерла 22 января 1983 г., не дожив меньше месяца до своего 80-летия.

Когда-то Ольга Александровна написала А.К. Писарчик, как бы подводя итог жизни: "Изложение многих направлений, в которых я работала, начиная с Таджикинпроса в 20-х годах, издательств разных, тем, над которыми я работала, – и в самом деле получилось очень длинным. Но действительно, это делалось, и все эти работы написаны. Я подумала и почувствовала, какую же долгую жизнь я прожила…"[73].

Примечания

[1] *Лунин Б.В.* Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1977. С. 157–160; *Жданко Т.А., Кармышева Б.Х.* Ольга Александровна Сухарева (некролог) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1983. № 6. С. 158–160; *Кармышева Б.Х.* К истории этнографического изучения Средней Азии в 1930–1960-е годы. Выпускники Туркестанского восточного института // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2001. № 4. С. 106–107.

[2] Автобиография (далее – Автобиография) написана О.А. Сухаревой от руки на стандартном бланке для автобиографий и занимает 2,25 стр. Автобиография не датирована. Записи о родителях и старших родственниках (далее – Записка) сделаны Ольгой Александровной по просьбе младшего поколения Сухаревых на основе рассказов старших родственников, которые она слышала в детстве и юности. Написаны от руки на 8 страницах размером пол-листа А4, не датированы.

[3] Всего 21 письмо: 1955 г. – два письма; 1956 г. – два письма; 1957 г. – три письма; 1958 г. – 11 писем; 1960 г. – одно письмо; 1966 г. – два письма. Все письма не датированы, но по тексту можно определить дату написания с точностью до месяца. При цитировании сокращения, имеющиеся в письмах, расшифрованы.

[4] Записка. С. 7–8.

[5] Справочная книжка Самаркандской области. 1893 г.

[6] Записка. С. 1.

[7] Адрес-календарь Самаркандской области на 1904 год. Самарканд, 1904. С. 4.

[8] Записка. С. 2.

[9] Там же. С. 3.

[10] Об И.А. Сухареве см.: *Лунин Б.В.* Биобиблиографические очерки… С. 154–156.

[11] Справочник и адрес-календарь Самаркандской области на 1906 г. Самарканд, 1906. С. 3.

[12] *Масальский В.И.* Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 19. СПб., 1913. С. 695.

[13] Записка. С. 4.

[14] Там же. С. 4–5.

[15] Адресная справочная книга Ферганской области на 1912 г. Скобелев, 1912. С. 4.

[16] *Масальский В.И.* Указ. соч. С. 706.

[17] Статистический обзор Ферганской области за 1908 г. Скобелев, 1909. Прилож. 5.

[18] *Синицына Л.А.* Звезды светят всем. Душанбе, 1986. С. 43.

[19] *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 9.

[20] Записка. С. 5.

[21] В своей "Автобиографии" О.А. Сухарева пишет, что она поступила в Среднеазиатский государственный университет (САГУ) на Восточный факультет. Это – неточно. Туркестанский восточный институт был включен в САГУ в качестве восточного факультета в 1924 г., когда О.А. Сухарева перешла на четвертый курс.

[22] *Лунин Б.В.* Из истории первого высшего востоковедного учебного заведения в Средней Азии // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 6. М., 1963. С. 328–329.

[23] 20 лет Средне-Азиатского государственного университета (1920–1940). Ташкент, 1940. С. 12.

[24] *Литвинский Б.А.* Предисловие // *Акрамова Х., Акрамов Н.* Востоковед Михаил Степанович Андреев. Душанбе, 1973. С. 6.

[25] *Лунин Б.В.* Из истории первого… С. 333–334.

[26] *Лунин Б.В.* Биобиблиографические очерки… С. 157.

[27] *Сухарева О.А.* Некоторые вопросы брака и свадебные обряды таджиков к. Шахристан // Сб. научного кружка при востфаке САГУ. Вып. 1. Ташкент, 1928. С. 73–89.

[28] *Акрамова Х., Акрамов Н.* Указ. соч. С. 87–88.

[29] *Улуг-Зода С.* Утро нашей жизни. М., 1962. С. 263.

[30] Автобиография. С. 1.

[31] *Синицына Л.А.* Указ. соч. С. 44.

[32] *Расторгуева В.С.* Изучение таджикского языка в СССР // Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962. С. 40–41.

[33] *Андреев М.С.* Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров. Ташкент, 1930.

[34] *Расторгуева В.С.* Указ. соч. С. 42. См. примеч. 22.

[35] *Синицына Л.А.* Указ. соч. С. 44. Об этом же говорила и Т.А. Жданко.

[36] Автобиография. С. 1.

[37] *Синицына Л.А.* Указ. соч. С. 44.

[38] С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков // ЭО. 1994. № 1. С. 122.

[39] *Садыкова Н.С.* Музейное дело в Узбекистане. Ташкент. 1975. С. 119–120; *Лунин Б.В.* Биобиблиографические очерки… С. 154; *Юсупов М.С.* 50 лет Самаркандского музея. 1896–1946 гг. Самарканд, 1948. С. 5, 11.

[40] *Сухарева О.А.* Этнографическая работа Самаркандского музея. // СЭ. 1949. № 1. С. 198–199.

[41] *Сухарева О.А.* Сузани. Очерки истории среднеазиатской декоративной вышивки. Рукопись. С. 1. Рукопись этой книги была полностью подготовлена О.А. Сухаревой к печати в 1982 г. В настоящее время она хранится у ее дочери Е.Р. Акбальян.

[42] Интервью Т.А. Жданко, данное автору статьи 8 апреля 2003 г.

[43] *Садыкова Н.С.* Указ. соч. С. 169.

[44] *Сухарева О.А.* Среднеазиатское искусство вышивки (о книге Н. Исаевой-Юнусовой "Таджикская вышивка") // СЭ. 1981. № 3.

[45] *Садыкова Н.С.* Указ. соч. С. 169.

[46] *Юсупов М.С.* 50 лет Самаркандского музея. С. 36.

[47] *Сухарева О.А.* Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. С. 9–10.

[48] *Синицына Л.А.* Указ. соч. С. 128.

[49] *Юсупов М.С.* Указ. соч. С. 36.

[50] *Акбальян Е.Р.* Талисман. М., 1981. С. 82–83. Эта повесть во многом автобиографична, и те эпизоды из этой книги, касающиеся жизни О.А. Сухаревой в Самарканде, которые я привожу в статье, описывают реальные события.

[51] С Т.А. Жданко беседует В.А. Тишков. С. 125.

[52] *Акбальян Е.Р.* Талисман. С. 62–67.

[53] Автобиография. С. 1–2.

[54] *Сухарева О.А.* Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии // СЭ. 1955. № 3.

[55] *Сухарева О.А., Бикжанова М.А.* Прошлое и настоящее селения Айкыран. Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области. Ташкент, 1955.

[56] Я.Г. Гулямов, специалист по древней истории Узбекистана, археолог, в 1956–1959 гг. исполнял обязанности директора Института истории и археологии АН Узбекской ССР.

[57] *Сухарева О.А.* Художественные ремесла Узбекистана // Звезда Востока. 1948. № 9; *Она же.* К истории художественного ремесла в Узбекистане (производство табакерок) // Сб. МАЭ. Т. XIV. М.; Л. 1953; *Она же.* Народное декоративное искусство Советского Узбекистана. Текстиль. Ташкент, 1954 (в соавт. с В.Г. Мошковой, А.К. Писарчик и П.А. Гончаровой); *Она же.* Народное декоративное искусство Советского Узбекистана (Альбом. Вводные тексты к разделам Б.Н. Засыпкина, В.Г. Мошковой, О.А. Сухаревой). М., 1955; *Она же.* Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнограф. сб. Вып. I. М., 1954; *Она же.* О культе мусульманских святых в Средней Азии // Тр. Ин-та истории и археологии АН Уз ССР. Вып. 2. Ташкент, 1951.

[58] *Сухарева О.А.* Бухара. XIX – начало XX в. (Позднефеодальный город и его население). М., 1966. С. 19, 21; *Она же.* Позднефеодальный город. Бухара конца XIX – начала XX вв. Автореф. дис. … д.и.н. Ташкент, 1962. С. 7; *Она же.* К истории городов Бухарского ханства (историко-этнографические очерки). Ташкент. 1958. С. 12.

[59] Опубликована в: Сборник памяти М.С. Андреева (Тр. АН Таджикской ССР. Т. 120). Душанбе, 1960.

[60] Опубликована в: Занятия и быт народов Средней Азии (Среднеазиатский этнограф. сб. Вып. III). Л., 1971.

[61] *Сухарева О.А.* Позднефеодальный город. Бухара конца XIX–начала XX вв. Автореф. … д.и.н. Ташкент, 1962.

[62] *Сухарева О.А.* К истории городов…; *Она же.* Позднефеодальный город Бухара конца XIX – начала XX века. Ремесленная промышленность. Ташкент, 1962; *Она же.* Бухара. XIX – начало XX в.; *Она же.* Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи с историей кварталов). М., 1976.

[63] М.Г. Вахабов – доктор исторических наук, специалист по новой и новейшей истории Средней Азии. С 1961 г. – заведующий отделом новой истории Института истории и археологии АН УзССР.

[64] *Синицына Л.А.* Указ. соч. С. 105.

[65] *Писарчик А.К.* Этнографическая наука в Таджикистане (1920–1990 гг.) Душанбе, 2002. С. 21.

[66] *Сухарева О.А.* Квартальная община…

[67] Костюм народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки. М., 1979.

[68] Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С. 4.

[69] *Сухарева О.А.* К истории костюма Самарканда // Бюлл. АН УзССР. 1945. № 11–12; *Она же.* Древние черты в головных уборах…

[70] *Сухарева О.А.* История среднеазиатского костюма. Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.). М., 1982.

[71] *Сухарева О.А.* Бухара. С. 21.

[72] *Акбальян Е.Р.* Талисман. С. 79.

[73] *Синицына Л.А.* Указ. соч. С. 171.

O.B. N a u m o v a. Olga Aleksandrovna Sukhareva (Centennial Anniversary)

The biography of an eminent scholar of Central Asia, the author of classical works on ethnography of the region is recounted in the article. O.A. Sukhareva was born in Samarkand and was a witness of local life since childhood. Since the age of 15 she started to collect ethnographical data. After graduation from Central Asian State University, where she was a student of outstanding orientalists A.A. Semionov and M.S. Andreyev, she was employed by Samarkand museum. During that period she studied Central Asian embroidery and pre-Moslem beliefs by plain Tajiks.

In 1946 she moved to Tashkent and engaged in the study of late feudal Bukhara, using both historical sources and her own field ethnographic data on traditional handicrafts, the life of city blocks (*mahalla*) etc. Since 1967 she lived in Moscow and studied Central Asian costume origin.

The article is based on O.A. Sukhareva's notes on her parents, her letters of the 1950s and on memoirs of her relatives, colleagues, and students.